

К.К. Абаза

**Кзаки. Донцы, уральцы,
кубанцы, терцы.**

Издание 2-е.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К.К. Абаза**
Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы.: Издание 2-е. / К.К. Абаза – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 370 с.

ISBN 978-5-4241-5235-1

Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе.

ISBN 978-5-4241-5235-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Казачьи юрты и добываніе Азова.

Воросіе густыми камышами берега «тихаго» Дона, его безчисленные островки, обиліе рыбы и дичины, достатокъ въ лѣсѣ и степное приволье — все вмѣстѣ манило къ себѣ изъ Руси бѣдняковъ, бездомовишकों, на житье на вольное, на ка-

вказное. Тутъ всегда была надежда на наживу: въ степяхъ паслись табуны поганцевъ, по Волгѣ ходили караваны съ хлѣбомъ, съ солью, съ воинскимъ запасомъ; степью проѣзжали московскіе и турецкіе послы съ богатыми подарками; наконецъ, подъ рукой вѣчно шумѣло синее море, по берегамъ котораго стояли въ красѣ и зелени завѣтные города: Трансепонтъ, Синопъ, Цареградъ, Кафа, Керчь. И подобно тому, какъ на низовьяхъ Днѣпра осѣло Запорожское братство, такъ же и на низовьяхъ Дона скончалась вольница, получившая впоследствии названіе «великаго войска Донскаго». Неизвѣстно, гдѣ именно поселились первые удалыцы; но когда число ихъ умножилось, они укрѣпились въ городкѣ Раздоры, въ 120 верстахъ отъ турецкой крѣпости Азова, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Донецъ сливается съ Дономъ. Вообще, казачьи городки ставились всегда въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу или за болотомъ,

на островѣ или между густыхъ камышей. Облюбовавъ мѣстечко, обвѣсивъ его частоколомъ или плетнемъ, а снаружи присыпали въ небольшой канавы землю—вотъ и вся защита. Окружная мѣстность называлась юртомъ. Казацкимъ жилиемъ служили шаташи, а не то землянки. Ничего въ этихъ городкахъ не было заманчиваго для хищныхъ сосѣдей; ихъ строили такъ, чтобы «не играть на нихъ вражескій глазъ».—«Пускай, говорши прадѣды донцовъ, бусурманы жгутъ наши городки, мы въ недѣлю выстроимъ новые, и скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы строить новые». Первымъ поселенцамъ случилось по нѣскольку мѣсяцевъ скрываться въ степи, по балкамъ, кормиться одними ягодами да пить изъ лужъ водичу. Многие погибали отъ нужды, многие—въ одиночныхъ схваткахъ. Вольная казацкая дружина росла и крѣпла понемногу, пока сложилась въ «великое» войско. Земли въ ту пору казакки по пахашу: привольная степь служила имъ пашней, а добыча—одиночной жатвой. Въ то время, какъ сѣверная ватага сторожила на Волгѣ суда, шедшія сверху, другая пробиралась степью къ русскимъ окраинамъ, третья ловила погайскихъ коней, или же рыскала въ закубанскихъ лѣсахъ. Особенно усилились казаки съ тѣхъ поръ, какъ свели дружбу со своими братьями—запорожцами, или, какъ ихъ звали на Дону, черкасами. Запорожцы хаживали на Донъ въ одиночку, являлись цѣлыми ватагами; они указали донцамъ новый, болѣе прибыльный путь для добычи—«сшес» море. И стали тогда казаки съ двухъ сторонъ громить Крымъ, полошить турецкіе берега. О тѣхъ и другихъ пропала по христіанскимъ землямъ слава, какъ объ истыхъ ратоборцахъ и ненавистникахъ невѣрныхъ. Подобно запорожцамъ, донцы сдѣлались передовой стражей своего отечества: тѣ берегли Польшу и Украину, эти—Москву.

Московскіе государи, начиная съ Ивана Васильевича, по прозванію Грознаго, поняли казачью силу; они начали ласкать казаковъ, награждая ихъ то подарками, то милостивымъ словомъ, а попозже—и царскимъ жалованьемъ. Въ то время, какъ росла казацкая слава, умножалось и богатство донцовъ. Изъ бездомныхъ, оборванныхъ голышей казаки становились обладателями большихъ сокровищъ; дотогѣ безлюдныя, глухія степи, гдѣ рыскали лишь волки да перелетали стадами пугливыя

дрофы, покрылись табунами лошадей, стадами скота, оберегаемыми невольниками разныхъ странъ и народовъ. Это были достояніе казаковъ.

Однажды пришла на Донъ большая ватага запорожцевъ и осталась здѣсь навсегда, поселившись поближе къ Азову, и также на берегу Дона, среди зарослей густого камыша. Это мѣсто получило названіе Черкасскихъ юртъ, а позже—Черкаскаго городка, или просто Черкаска. Донцамъ пришлась по душѣ та беззабѣтная отвага, которою отличались запорожцы. Эти безтрепетные люди, кажется, ничего и никого не боялись кромѣ Господа Бога да его святыхъ угодниковъ. Зато не полюбились имъ разгульная жизнь. Запорожецъ ни во что ставилъ и свою жизнь, и раздобытую кровью конѣйку, тогда как дошцы стали домовиты, начали конить про черныи денекъ. Въ Черкасскомъ городкѣ шла гулянка съ утра до вечера, съ вечер до утра; въ Раздорахъ—всегда было тихо, даже какъ-то угрюме. Молодежи это не нравилось, и она стала чаще да чаще начинать своихъ сосѣдей, что повело къ умноженію населенія и скоро казаки совсѣмъ покинули Раздоры. Черкасскъ сдѣлался главнымъ городомъ, населеніе его смѣшалось съ татарами, греками, особенно по причинѣ частой женитьбы на невольницахъ. Однако буйныя головы не сидѣли на мѣстѣ. Цѣлыми ватагамъ онѣ рыщутъ по бѣлому свѣту, при чемъ удалисто и жадно наживы заводятъ ихъ такъ далеко, какъ, быть можетъ, имъ недумалось. Они покоряютъ, русскому царю цѣлые народы прошкаютъ въ далекія, никому невѣдомыя окраины, и тѣмъ самымъ указываютъ путь мирному переселенцу—землепалцу купцу или промышленнику. Такъ, въ концѣ царствованія Ивана Васильевича Грознаго, старшина Качалинской станицы Ермакъ Тимофеевъ, вмѣсто того, чтобъ охранять границу от Астрахани до р. Дона, появился разбойникомъ на Волгѣ. Он навелъ страхъ не только на проѣзжихъ купцовъ, но и на улусы кочевниковъ, подвластныхъ царю. Движеніе по Волгѣ прекратилось; всѣ пути между Москвой и Астраханью были перехвачены. Послѣ того Ермакъ вышелъ въ море, гдѣ встрѣчалъ заморскихъ пословъ; онъ живо съ ними расправился: суда ихъ потопилъ, а добычу присвоилъ. Грозный царь осудилъ Ермака, съ четырьмя его подручниками, въ томъ числѣ

Ивана Кольцо, на смертную казнь. Тогда казаки, спасаясь от царскаго войска, бѣжали на Каму, откуда братья Строгоновы вырядили ихъ на завоеваніе Сибири. вмѣсто плахи, Ермакъ Тимофеевичъ прославить себя и свою дружину, какъ завоеватель Сибири. Онъ же положить начало сибирскому казачеству. Другая буйная ватага, потерпѣвъ крушеніе судовъ на Каспійскомъ морѣ, осѣла въ устьяхъ Терека, откуда ое не могли выгнать ни кумыки, ни тавышпы: это терскіе казаки. Третій атаманъ, сказываютъ, Нечай, выбралъ для своей дружины въ 800 человекъ привольныя мѣста по Янку, пыгбн-нему Уралу, гдѣ обиліе рыбы послужило главною приманкой и причиною обогащенія уральскихъ казаковъ. Какъ на Дону, такъ же въ Сибири, на Уралѣ и на Теркѣ казаки не сидѣли осѣдло, а искали новыхъ мѣстъ для поселенія, новыхъ путей; слабыхъ сосѣдей они покоряли, сильныхъ держали въ трепетѣ частыми набѣгами. Правда, эти задирательства служили помѣхой доброй сосѣдской дружбѣ между Москвою и мусульманскими державами. Жаловался много разъ крымскій ханъ, про-звѣлся турецкій султанъ, наконецъ, стонали русскіе украинскіе города, раззоренные грабежомъ и пожаромъ. Изъ Москвы пи-сали тогда увѣщанія, а подчасъ и угрозы, смотря по вѣтѣ. Однажды царь Михаилъ Федоровичъ прислалъ такую грамоту: «Въ море на грабежъ не ходите и тѣмъ Намъ съ турецкимъ султаномъ не сорвите. Послушаетесь, тѣмъ службу свою при-ную Намъ покажете... Если же, наче чашія, и послѣ сего Намому дѣлу съ турками какую поруху учините, оную на-васъ наложимъ, въ Москву для ласки никогда васъ не призо-вемъ, поплемъ на васъ рать, велимъ на мѣсто вашего Раздора оставить свою крѣпость, изгонимъ васъ съ Дона и вмѣстѣ съ султаномъ не позволимъ вамъ воровать, какъ ныгѣ воруете. Странитесь моего гнѣва, съ азовцами неукоснительно помири-тесь...» Донцы мало внимали угрозамъ, говоря въ кругу: «Мы крны Вѣному царю, но что беремъ саблюю, того не отдаемъ зарюмъ». Вмѣстѣ съ запорожцами они ограбили и сожгли Во-ронезжъ, убили тамошняго воеводу, въ томъ же году пограбили греческія суда, послѣ чего выжгли Трапезонтъ и Синопъ. Въ другой разъ казаки раззорили возлѣ Цареграда монастырь Іоанна Предтечи. Султанъ Амуратъ выслалъ противъ нихъ цѣлую

флотилію, которая захватила семь казачьих струговъ. На допросъ казаки, не убоясь смерти, объявили, что они люди вольные, ходить на войну по своей охотѣ, а царскаго указа на то не имѣютъ. Ихъ предали лютой казни. Черезъ два года казаки уже пытались взять Керчь, но, потерпѣвъ неудачу, пограбили окрестности и овладѣли Карасубазаромъ, гдѣ получили знатную добычу.

Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1636 году, большая ватага, тысячи въ четыре запорожцовъ и украинскихъ казаковъ, пробиралась въ Персію, въ надеждѣ тамъ поселиться. На Дону ихъ задержали: «Загѣмъ вамъ, братья, искать далекаго счастья? Мы имѣемъ запасу довольно, возьмемъ съ вами Азовъ и будемъ свободно ходить и на Синее море, и на Черное море; тамъ въ одинъ походъ мы добудемъ зипуновъ больше, чѣмъ вы соберете въ Персіи за 10 лѣтъ».

Давно стоялъ Азовъ бѣльмомъ въ глазу у казачества. Пока крѣпость находилась въ рукахъ турокъ, они не могли развернуть своихъ крыльевъ. Азовцы горко стерегли морской путь, и, какъ увидимъ дальше, много надо было удали, еще больше хитрости, чтобъ проскользнуть мимо крѣпости. Овладѣть Азовомъ, стать хозяевами этой твердыни, сдѣлалось завѣтной думой донцовъ. Они не загадывали о томъ, а съужьютъ ли удержаться, — имъ лишь бы вылить его, и въ этомъ дѣлѣ помочь казакамъ счастливый случай: запорожцы согласились остаться.

Въ ту же зиму были разосланы по всѣмъ городкамъ повѣстки, чтобъ казаки готовились на поискъ, а кто не явится, тому не будетъ ни суда, ни расправы. Ранней весной, какъ только прошла «крыга» (ледь), оба берега покрылись конными, въ то время какъ и прежде казаки спускались на стругахъ, посѣщая къ монастырскому городку, въ 7 верстахъ отъ Черкасса, гдѣ обыкновенно собирались для промысла. Составился кругъ. Вышелъ войсковой атаманъ и пригласилъ казаковъ вѣсть Азовъ. «Любо, любо!» отвѣчали, какъ одинъ, тысячи голосовъ. Походнымъ атаманомъ выбрали Михаила Татаринова, и тотчасъ снарядили въ Москву «легкую станицу», т. е. посольство, извѣстить царя о выступленіи «всевеликаго» войска Донскаго ^{подъ} Азовъ. Азовскій паша на этотъ разъ

как-то проглядѣть; турки безопасно смотрѣли на сборы и приготовления казаковъ. Имъ, конечно, не приходило въ голову, чтобы конное войско, безъ артиллеріи, безъ осаднаго парка и инженерной, могло затѣять такое нестаточное дѣло, какъ приступить къ крѣпости, окруженной высокими каменными стѣнами и башнями, вооруженной пушками, защищаемой храбрѣйшей турецкою пѣхотою! Казаки надѣялись взять Азовъ печальнымъ нападеніемъ, почему держали свое намѣреніе въ тайнѣ; къ несчастію, въ это самое время имъ довелось провожать турецкаго посла, который гостилъ у нихъ пробавомъ въ Москву. Хитрый грекъ, Ома Кантакузень, подарилъ старшинъ расшитыми золотомъ шпунтами, обладалъ остальныхъ казаковъ и на званомъ пиру, когда развязались языки, съумѣлъ вынытать тайный умыселъ. Зорко стерегли казаки всѣ пути, однако Кантакузень и тутъ ихъ порехитрилъ, переславши нашія грамоты. Въ крѣпости начался суета, установка орудій, сборъ защитниковъ—увидѣли тогда казаки, что они обмануты. Посоль былъ задержанъ; въ день побѣдоносца Георгія, послѣ молебна, казаки сѣбно выступили всѣмъ войскомъ подъ Азовъ, имѣя при себѣ только четыре фальконета.

Крѣпость приготовилась къ защитѣ. На высокихъ ея стѣнахъ уже стояло 4 тысячи янычаръ; тончай, или артиллеристы, расхаживали съ зажженными фитилями у своихъ длинныхъ, чудовищныхъ пушекъ. Казаки нисколько не смущались. Отважный Татариновъ прежде всего распорядился занять устье Дона, а также всѣ пути, ведущіе къ Азову—изъ Крыма, съ Бубани, отъ Ногаевъ; послѣ того, какъ крѣпость была обложена, казаки повели къ ней подступы. Между ними находился какой-то нѣмецъ Юганшъ. Онъ взялся подрывать стѣну при помощи подкопа. Послѣ долгой и трудной съ непривычки работы, нѣмецъ вдругъ объявилъ, что онъ ошибся. Заложили новый подкопъ, а, между прочимъ, окрестности казанскаго тавора покрылись татарскими наѣздниками: то была помощь осажденнымъ туркамъ. Степь оживилась, началась перестрѣлка; съ обѣихъ сторонъ ежедневно выѣзжали одиночные всадники показать свою удалъ. Вскорѣ и это наскучило. Запорожцы, привыкшіе вершить свои дѣла сразу, налетомъ, стали роптать. Азовцы надъ ними смѣялись: «Сколько подъ Азовомъ ни стоять,

а его какъ своихъ ушей вамъ не видать!» кричали они со стѣнъ. Но стѣнки казаки, ринулись на приступъ. Однако ихъ отбили. Но имѣя артиллерію, не зналъ прашить осадной войны, казаки понадеялись на счастливый случай; теперь извѣданы поудачу, стали падать духомъ; особенно брашились заидрожцы. Дѣйствительно, конца осады не предвидѣлось. Въ это самое время казачьимъ разбѣдамъ удалось перехватить грамоты турецкаго посла, въ которыхъ онъ подробно доносилъ о бѣдствіяхъ Азова и просилъ у султана помощи. Гонца, по обычаю того времени, пытали. Онъ показавъ на толмача, что вся бѣда идетъ отъ него, что онъ чародѣй и накликаеть христіанскому войску худой конецъ. Разсвѣтившіе казаки убили Кашгакузена, какъ Туду предателя, и утопили его толмача, какъ лхогого колдуна. Чтобы очистить лагерь отъ волшебныхъ чаръ, они отслужили торжественное молебствіе, окропили святой водой таборъ—и успокоились. На третьемъ мѣсяцѣ осады смысленный пѣмецъ довелъ свое дѣло до конца. Подкопъ былъ готовъ. 19 июля, на разсвѣтѣ, казаки, выслушавъ молебенъ защитнику Азова Іоанну Крестителю, раздѣлившись по отрядамъ и двинулись съ разныхъ сторонъ на приступъ. Къ полудню вся крѣпостная стѣна была въ жестокомъ огнѣ; пушки не умолкая гремѣли, огромныя каменные ядра взрывали землю; сквозь облака пыли и густого ѣдкаго дыма сумрачно глядѣло багровое солнце. Тамъ, наверху, между зубцами каменной стѣны, янычары, въ упоеніи побѣды, выкрикивали позорную брань, а внизу съ шумными криками надвигались съ разныхъ сторонъ казачьи дружины... Вдругъ, какъ «молнія великая», сверкнувъ подъ стѣною огонь, потомъ что-то треснуло, взлетѣли глыбы земли, камней—часть стѣны обрушилась. Дружно гикнули тогда отборныя сотни, засѣвшія въ своемъ укрѣпленіи напротивъ подкопа, и, какъ одинъ человекъ, подъ начальствомъ самого атамана, ринулись на проломъ. Это были отважнѣйшіе изъ отважныхъ, «рыцари-казаки», какъ они себя величали. Разсѣянные по всей стѣнѣ, обманутые ложными атаками, турки не оказали имъ сопротивленія. Все поле покрылось бѣгущими азовцами, но лишь немногимъ счастливцамъ удалось избѣжать кровавой мести за насмѣшки, за погибшихъ братьевъ, за томленія долгой осадой. Башни и крѣпкій замокъ продержались

еще для три или четыре, пока противъ нихъ не направили турекія же пушки; затѣмъ ни одного турка не осталось въ Азовѣ.

Нѣкогда богатый генуэзскій городъ, Азовъ запустѣлъ подѣ властью турокъ. Его прекрасныя зданія почернѣли отъ времени, полуразрушились; христіанскія церкви были обращены въ мечети, по пустымъ улицамъ и площадямъ бродили тысячи голодныхъ собакъ. Очистивъ городъ отъ труповъ, казаки праздновали повоселье. Пируя на площадяхъ, подѣ открытымъ небомъ, они похвалялись, что достали Азовъ «своимъ разумомъ и дородствомъ», что, раззоривши гнѣздо невѣрныхъ, освободили отъ нихъ христіанскую землю. Всю доставшуюся добычу снесли въ одно мѣсто и поровну раздѣлили; драгоценныя же парчи и сосуды были отправлены въ монастыри, чтобы тамъ молились за упокой убитенныхъ и здравіе живыхъ. Старую церковь Іоанна Крестителя казаки освятили вновь, вотомъ приступили къ сооружеію новой, во имя св. Николая Чудотворца. Азовъ былъ объявленъ вольнымъ христіанскимъ городомъ; вскорѣ явились сюда купцы изъ Кафы, Керчи, Тамани; открылась торговля, христіанское населеніе спѣшило съ разныхъ концовъ занимать пустые турецкіе дома. Казаки, незнакомые дотолѣ съ порядками городской жизни, зажили припѣваючи.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, хотя и попенялъ казакамъ за самовольную расправу съ турецкимъ посломъ, однако не лишилъ ихъ своихъ обычныхъ милостей. Когда же явился въ Москву новый посолъ отъ султана, царь отвѣтствовалъ, что казаки вольные люди, воюють на свой страхъ, а если султанъ захочетъ, то можетъ и самъ ихъ унять. Русское государство лишь незадолго передъ тѣмъ стряхнуло самозванцевъ; оно едва успокоилось отъ безначалія и смуты, почему не имѣло ни силъ, ни охоты начинать изъ-за отдаленной крѣпости войну съ грозными силами турокъ. Въ ту пору турки были воинственны, сильны и страшны для всей Европы. Борьба съ ними являлась подѣ силу лишь однимъ казакамъ— дерзкимъ, изворотливымъ, падавшимъ врасплохъ, исчезающимъ какъ вихрь. Такая война утомительна: она истощаетъ силы, вѣчно держитъ врага въ страхѣ. Въ открытомъ же бою турки со своими янычарами и спагами, т. е. коннымъ войскомъ, были

непобѣдимы. Конечно, они не могли оставить Азовъ въ рукахъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе безпрятственно проходили теперь въ Черное море, берега котораго огласились страшными воплями ограбленныхъ и замученныхъ жертвъ. Султанъ былъ занятъ войной въ Персіи, потому онъ умеръ, и такимъ образомъ прошло три года, прежде чѣмъ турки подступили къ Азову. Зато они располагали громадными силами, точно собрались на завоеваніе дѣлой страны. Говорили, что въ осадномъ корпусѣ находилось 6 тыс. наемныхъ мастеровъ изъ разныхъ земель — для веденія подкоповъ, сниманія плановъ, постройки укрѣпленій, мостовъ и т. п.; главную же боевую силу составляли 20 тыс. янычаръ, столько же снаговъ, 40 тыс. татаръ да черкесовъ, а всего около ста тысячъ. Въ началѣ іюня 1641 года вошелъ въ устье Дона турецкій флотъ и выгрузилъ осадную артиллерію: тутъ было болѣе ста пушекъ проломныхъ, 70 мелкихъ съ мортирами, великое число снарядовъ, избытокъ пороху. Черезъ 2 недѣли Азовъ былъ обложенъ отъ рѣки до моря, на протяженіи 40 верстъ. Казаки сѣли въ осаду. Ихъ было всего около семи тысячъ, правда, самыхъ безстрашныхъ, готовыхъ на все. Въ первый же день лилось въ крѣпость трое пословъ отъ трехъ турецкихъ военачальниковъ: отъ сераскира Гуссейна, отъ крымскаго хана и янычарскаго аги — съ предложеніемъ сдать крѣпость и получить за то 40 тысячъ червонныхъ. «Все равно, говорили послы, вамъ, казакамъ, никакъ не извернуться; вы здѣсь какъ въ западнѣ. Бѣлый царь отъ васъ отказался, помощи себѣ изъ Москвы не чайте». Войсковой атаманъ Петровъ отвѣчалъ за всѣхъ: «сами волею своею взяли мы Азовъ, сами и отстаивать его будемъ; помощи кромѣ Бога ни отъ кого не ожидаемъ, прельщеній вашихъ не слушаемъ и не словами, а саблями готовы принять васъ, незваныхъ гостей!» На другой же день 30 тыс. лучшихъ турецкихъ войскъ, прикрывшись шпоземцами, бросились на приступъ; они потеряли 6 тыс. и со стыдомъ отступили. Сераскиръ заключилъ на два дня перемиріе при чемъ платилъ тѣмъ же казакамъ за каждаго убитаго мусульманина по червонцу. — Такъ началась достопамятная защита Азова, напоминающая столь же доблестную защиту христіанскими рыцарями города Родоса. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сражались братья-

воины, исконные враги мусульманъ, сражались въ маломъ числѣ, но съ такою стойкостью, съ такимъ мужествомъ, что привели въ удивленіе весь христіанскій міръ. И если начать сравнивать, кому приходилось горше, то, конечно, казакамъ, потому что за рыцарями уже тогда утвердилась вѣковая слава ихъ доблестей: они были богаты, хорошо вооружены, имѣли отличное, приспособленное къ воинскому дѣлу, устройство; наконецъ, за ихъ борьбой участливо слѣдила вся христіанская Европа, тогда какъ казаки бились на далекой окраинѣ Московскаго государства; многіе и не вѣдали, что они были за люди.

Турки насыпали вокругъ крѣпости высокой валъ; казаки сдѣлали вылазку, взяли этотъ валъ, подорвали его и прогнали непріятеля. Тогда турки позади перваго вала насыпали другой, до высоты стѣнъ, втащили болѣе сотни орудій, послѣ чего открыли безостановочную пальбу, продолжавшуюся 16 дней подрядъ. Крѣпостныя стѣны были сбиты до основанія. Казаки для своей защиты устроили вторую линію обороны; по разрушеніи ея— третью и наконецъ— четвертую. Тамъ, сидя въ землянкахъ, они продержались до конца осады. Но они не ждали, пока появятся на валахъ турецкіе бунчуки, а шли навстрѣчу непріятеля подкопами; послѣ каждаго взрыва очередная сотня кидалась на вылазку, побивала оглушенныхъ враговъ, пока поспѣвала къ нимъ помощь. Турецкіе подкопы всегда натыкались на подземныя работы казаковъ, и тутъ послѣдніе брали верхъ, потому что заранѣе готовились къ встрѣчѣ. Сераскиръ, видя безуспѣшность бомбардировки, сталъ ежедневно посылать войска на приступъ. Всегда готовые и къ этому, казаки встрѣчали турокъ мѣткими пулями, потомъ кидались въ сабли, рубились, не уступали ни шагу; во время приступовъ атаманъ зорко слѣдилъ, не ослабѣла ли гдѣ защита, и посылалъ туда немедленно помощь. Въ самомъ пылу боя появлялись на облитыхъ кровью валахъ казачія жены; онѣ подавали помощь раненымъ, кормили голодныхъ мужей, подносили бойцамъ оружіе, порохъ; онѣ же копали подъ выстрѣлами рвы, таскали на валы землю; въ послѣднюю минуту казачки залили горячую смолу и кипятокъ на головы штурмующихъ. Болѣе трехъ недѣль турки штурмовали ежедневно— и покинули. Они потеряли почти половину пѣхоты, разстрѣ-